

Трансцендентальный журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 3 Том 2. 2021

Русское неокантианство: опыты (само)определения и современная перспектива

Белов Владимир Николаевич

Российский университет дружбы народов (РУДН)

Российская Федерация, Москва

Владимиров Павел Анатольевич

Российский университет дружбы народов (РУДН)

РАНХиГС

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Одной из важнейших задач в каждой философской традиции является определение методологических оснований и целевой причины исследовательской практики. При обсуждении феномена русского неокантианства возникает несколько фундаментальных вопросов, среди которых критерии разграничения отдельных систем и возможность их целостной реконструкции, выявление самостоятельности отечественных философов в преодолении ключевых противоречий трансцендентального идеализма, а также дискуссии относительно вклада русских неокантианцев в историю развития отечественной и европейской философии. Не менее значимым представляется проблема объединения русского неокантианства в контексте общей традиции неокантианства в ее развитии до новейших тенденций. Перспектива обращения к наследию русских философов во многом обуславливается оформлением посткантианства и постнеокантианства. В трудах А.И. Введенского, а затем Б.А. Фохта, В.Э. Сеземана, С.Л. Рубинштейна, и многих других обозначился переход от немецкого классического идеализма в призме специфики русской философии к оформлению нового понимания трансцендентальной философии и ее задач. Во многом предложенные решения отличались оригинальностью и явной самостоятельностью, но в то же время имплицитно находились в границах заданной И. Кантом традиции немецкой неокантианской философии. Сопоставляя новейшие перспективы развития

неокантианской методологии, можно не без оснований предположить, что русское неокантианство во многом предвосхитило новейшие тенденции.

Для объективной оценки и последующей актуализации наследия русских неокантианцев требуется раскрыть единство всей традиции, сопровождая данный процесс историко-философской реконструкцией отдельных систем философии, но так же и выявлением тех перспектив для философии, которые были обозначены русскими мыслителями. В содержании статьи предлагается постановка проблемного поля самоопределения русских неокантианцев в рамках истории русской и европейской философии. Особое внимание акцентировано на единстве методологических задач и целевой причины исследовательских практик мыслителей, которые на разных этапах своего развития внесли вклад в образование феномена русского неокантианства.

Ключевые слова: неокантианство, русское неокантианство, русская философия, опыт самоопределения, посткантианство

Дата публикации: 20.12.2021

Источник финансирования:

Статья подготовлена при финансовой поддержке Мегагранта № 075-15-2021-603

Ссылка для цитирования:

Белов В. Н. , Владимиров П. А. Русское неокантианство: опыты (само)определения и современная перспектива // Трансцендентальный журнал – 2021. – Том 2. – Выпуск 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018214-5-1> (дата обращения: 14.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018214-5

¹ Данный выпуск журнала открывает одну из страниц истории русской философии, которая была забыта в отечественной мысли вплоть до конца XX века – традицию русского неокантианства. Проблематика статуса и самобытности данного феномена вызывает споры среди исследователей всех разделов философского дискурса и гуманитарного знания: от историософии и онтологии до междисциплинарных областей педагогики, психологии, теории права. Объективный факт заключается в том, что многие русские ученые и философы в период конца XIX – начала XX века позиционировали себя как приемники и последователи трансцендентального идеализма в различных ракурсах его применения. Другие же вполне отчетливо обозначили в своих трудах задачу развития и одновременно преодоления противоречий кантианства, исходя из самой методологии критического идеализма, что согласуется с исследовательской интенцией немецкого неокантианства и во многом реализовалось посредством его влияния. В итоге оформилась традиция русского неокантианства, объединяющая разнонаправленные по своим задачам философские концепты, как в отрасли гуманитарных, так и естественных наук. Единство достигалось посредством ориентированности на систему философии И. Канта и на принципы критической философии, которые реализовывались, в том числе, на основе фактов и событий

русской культуры и истории. Среди таких принципов выделяются антидогматичность, критерии последовательности рассуждений и системности философской рефлексии, особое внимание к гносеологическим вопросам и активное использование различных методов логического анализа. Отдельно отметим имплицитный приоритет теоретического знания над конкретной эмпирической данностью, что восходит к поставленной Кантом проблеме трансцендентальной апперцепции и корреляции логического с не-логическим.

2 Несмотря на наличие единства приоритетов исследования и методологической базы, ярко выражена разнородность философских концептов и отсутствие эксплицитной линии преемственности. Русские неокантианцы, в отличие от немецких коллег, не создали отдельных собственных школ, которые продолжили бы традиции Марбурга или Гейдельберга. Проблема заключается не только в выявлении критериев объединения отечественных мыслителей в единую традицию, но и в определении линии демаркации между самостоятельностью отечественных философов и оказанным на них влиянием со стороны немецкого идеализма. Кроме того, русские философы за редким исключением не называли себя «неокантианцами», а сам термин был введен в употребление сторонними исследователями, в частности В.В. Зеньковским, С.Л. Франком и Н.О. Лосским. Каждый русский неокантианец, признавая общность собственной философии с традицией трансцендентального идеализма, обозначал свою позицию индивидуально, что отчетливо выражается в постоянном поиске самоопределения по отношению к немецкому неокантианству.

3 Если обратиться к историческому контексту, то следует подчеркнуть одно примечательное своеобразие русской философии как таковой: она изначально зарождается как философия культуры, а именно, как определенная рефлексия на появление такого феномена русской интеллектуальной истории, как «золотой век» русской культуры.

4 Время зарождения русской философии – первая половина XIX века – это время так называемого «золотого века» русской культуры, время жизни и творчества А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя и др., когда русская культура приобретает поистине всемирное значение и признание. Тесная связь между расцветом отечественной культуры и зарождением оригинальной русской философской мысли послужила одним из источников того, что эта мысль изначально получает культурологический ракурс. Последний оказывает решающее воздействие и на формирование в русской философской мысли двух направлений: так называемых западничества и славянофильства.

5 Философская мысль XIX в. изначально формируется как мысль об отечественной культуре и ее месте в мировом культурном процессе. Образование, литература, религия, наука, особенности психического склада сразу становятся предметом философского осмысления, и лишь в таком контексте отечественная философия видит свое призвание и оправдание.

6 У отечественных мыслителей не вызывало сомнения то, что продуктивное рассмотрение своеобразия русской культурной жизни в ее отношении к культуре Запада возможно только при признании основой своеобразия православной веры,

которая формирует специфические черты как социальной жизни, так и психологического типа человека. Безусловное понимание именно религиозного фактора в качестве определяющего было характерно как для представителей западников, так и для сторонников славянофильских идей. По поводу последних Флоровский верно замечает: «Славянофильство было, и стремилось быть, религиозной философией культуры. И только в контексте культурно-философской проблематики того времени оно и поддается объяснению»¹.

⁷ Здесь необходимо обратить внимание на главный специфический момент для зарождающейся русской философии как философии культуры. Его можно смело охарактеризовать как парадоксальный: в национальном своеобразии русской культуры с очевидностью доминирует аспект ее противопоставленности, противоположности другим культурам. В русской философии изначально становится преобладающим подход, в котором русская культура, а с ней и вся интеллектуальная деятельность, оцениваются как мировые лишь в контексте их особенности, противопоставленности мировым. В реальности такая ситуация вообще не могла бы существовать и своеобразие в форме противоположности не смогло бы ввести русскую культуру в мировую, но в мысли, в сознании русских философов такой императив стал определяющим: нас должны и могут принять в мировое сообщество только как тех, кто критикует всю историю других и предлагает историческую альтернативу, входит в европейскую и мировую цивилизацию не на равных, но в качестве лидера, лидера, прежде всего, духовного. Такая имплицитная установка присутствует уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.)² и эксплицитно в концепте «Москва – третий Рим».

⁸ И если в средние века такой акцент на противопоставленности России остальному европейскому миру подпитывался, полностью опираясь на церковь и православную веру (и здесь было основание – разность конфессий, причем опять же противопоставленность другим конфессиям христианства оправдывалось экспансией и агрессивной политикой этих конфессий), то в XIX веке главным источником идей «другости» России становится культура³. И если для утверждения радикальной особенности православной веры достаточно было богословия или клерикальной монархии, то для доказательства особенности русской культуры нужна стала и философская мысль. И она проявила себя, сразу же заявив о необходимости «новых начал для философии».

⁹ Такой замысел преобразования философии на началах святоотеческой традиции возникает у основного представителя «раннего славянофильства» И. Киреевского⁴, но самый известный проект заявки на своеобразие в противовес западной философии был предложен Вл. Соловьевым⁵. Главной идеей такой позиции стала идея несамостоятельности философского мышления, творчества, невозможность самой философии разорвать порочный круг сомнений и антиномий и поэтому оправданность религиозного начала философской мысли как возможности философии в качестве религиозной метафизики. Причем, опять же принципиально важно, что это должна быть религиозно-православная метафизика. Более детальной разработкой философского проекта религиозно-православной

метафизики займется уже следующее поколение русских философов, последователей Соловьева, таких как С.Н. Булгаков, о. Павел Флоренский, В.В. Зеньковский и др.

¹⁰ Следует, конечно, сказать несколько слов и о русском западничестве, которое в своем первоначальном варианте (П.Я. Чаадаев) также рассматривало взаимодействие отечественных и западных начал в русской истории как отношение либо-либо: либо западная социальная, политическая, экономическая и духовная модель и процветание государства и его граждан, либо отечественная модель и, соответственно, вечная отсталость. Здесь очевиден акцент на уничижительном характере роли России в цивилизационном развитии.

¹¹ Вторым специфическим моментом, подчеркивающим в специфичности России ее противопоставленность другим европейским государствам, является понимание характера развития социальной (прежде всего, политической и экономической) жизни. В отношении России предполагается не эволюционное, но революционное развитие, то есть очень быстрое изменение в лучшую сторону. Культивируется надежда, что все уже, собственно, подготовлено и достаточно небольшого усилия, чтобы резко все, что является тормозом, стало ускорителем в процессах изменений к лучшему. Существует установка на усмотрение в отрицательных сторонах жизни российского общества положительных характеристик: то, что считается нашей слабостью, на самом деле, оказывается нашим преимуществом. Поскольку существуют два плана социальной жизни: реальный и скрытый, основной, сакральный, не всеми прозреваемый. Подобную установку несложно обнаружить в том же «Слове» митрополита Илариона и даже родоначальник философского западничества П.Я. Чаадаев не свободен от надежды на тайную миссию России, правда, полностью аннигилируя реальную возможность осуществления этой миссии необходимой жертвенностью России. По примеру Христа, умирающего за все человечество и для реального существования не приносящего ничего, никаких видимых выгод и преимуществ, но дающего толчок невиданной силы в духовном плане, Россия своей жертвой должна изменить радикально социальный уклад современного общества. Слабые версии чаадаевской идеи нашли свое развитие в политологической концепции так называемой «православной цивилизации».

¹² Также следует отметить и то, что философия И. Канта всегда находилась в центре внимания русской философии, поэтому формирование русского неокантианства было естественным процессом развития отечественной мысли. Уже в период духовно-академической традиции второй половины XIX века, труды немецких мыслителей и в особенности Канта активно обсуждались, а отдельные положения использовались при построении собственных концептов. Здесь стоит выделить известных русских религиозных философов – Ф.Ф. Сидонского, а затем Ф.А. Голубинского и В.Д. Кудрявцева-Платонова. К их числу стоит отнести и не менее известного отечественного переводчика текстов Платона – В.Н. Карпова, который придерживался общей позиции русской религиозной традиции, но особое внимание уделял проблемам развития идеализма и логики. Уже к концу девятнадцатого века в России происходит оформление неокантианского направления, отличающегося от предшествующих форм рецепции кантовской философии критически-рефлексивным подходом. Ярким примером критического

переосмысления кантовской философии является работа А.И. Введенского – «Новое и легкое доказательство философского критицизма», опубликованная в 1909 году. В ней русский философ, родоначальник неокантианской традиции в России, поставил задачу преодоления противоречий в системе критического идеализма с безусловным признанием потенциала системы трансцендентальной философии для науки в целом и научной философии в частности.

¹³ Первая треть XX века стала периодом появления множества оригинальных расширений немецкого неокантианства на почве русской интеллектуальной мысли. Причиной служит установление плодотворных взаимосвязей между немецкой и русской философией и наукой. В частности Б. Пастернак, именитый русский поэт, после стажировки в Германии получил высокое одобрение своих философских штудий со стороны представителей Марбургской школы неокантианства. В качестве обобщения истории развития русского неокантианства можно условно выделить два этапа: 1) становление неокантианства в России в среде академической философии и 2) оформление неоднородной среды русского неокантианства под влиянием тенденции развития немецкого идеализма в Марбургской и Баденской школах.

¹⁴ Затруднение историко-философской интеграции русского неокантианства в процесс развития отечественной философии и в то же время причина сохраняющегося научного потенциала выражается в вытеснении кантовской модели критицизма гегелевским идеализмом. Однако было бы неточным утверждать, что после 30-х годов двадцатого века в России отсутствовали философские труды, построенные на принципах неокантианской методологии и прагматики. Хотя имелись затруднения в доступности данных работ для научного сообщества. В иных случаях, неокантианские мотивы нередко имплицитно включались в теоретико-методологическую базу исследования. Последнее положение становится явным с позиции установившейся исторической дистанции, например в областях педагогики (С.И. Гессен), литературоведения (М.М. Бахтин), психологии (С.Л. Рубинштейн, М.М. Рубинштейн), теории права и социологии (теории, восходящие к трудам П.И. Новгородцева и А.С. Лаппо-Данилевского).

¹⁵ Критическая методология и ориентированность на трансцендентальный идеализм, актуализация наследия Канта и стремление к системности в исследованиях объединяли русскую и немецкую традицию неокантианства. Но имелись и существенные различия, особенно в применении критического подхода и интерпретации системы критического идеализма кенигсбергского философа. Например, если сопоставить статьи Б.А. Фохта о сущности трансцендентального метода с позицией Г. Когена, на труды которого он опирался, выявляется принципиальная разница в определении границ трансцендентального и в понимании применимости «всеобщей логики» к обоснованию эстетики. В работе «О путях и задачах русской интеллигенции» П.И. Новгородцев, раскрывая особенность русской философии права, указывает на исключительно отечественную специфику выхода за пределы ограниченного предметностью хаоса чувственных представлений и рамок материалистического понимания «здесь и сейчас» в высшие системы и структуры. Подобная трактовка применима и к важной особенности дискурса представителей русского неокантианства – их стремлению к созданию целостных и всеобщих систем, охватывающих все

многообразии предметных областей в рамках единого объекта исследования. Другим ярким примером служит попытка построения С.Л. Рубинштейном единой системы психологии и философии. В его, безусловно, оригинальной теории содержится решение проблемы трансцендентальной апперцепции, что до сих пор остается слабоизученной темой. У каждого отдельно взятого представителя русского неокантианства, обнаруживается собственная оригинальная задача исследования и столь же нестандартные ее решения.

¹⁶ Как итог, постоянное расширение инструментария критического подхода и апробация трансцендентального метода в новых исследовательских горизонтах представляют специфику русского неокантианства. Определение границ познания и возможностей философии становится одной из приоритетных целей всей отечественной традиции «новокантианства», в то же время каждый отдельный мыслитель реализует собственную задачу, и, таким образом, находится в постоянном самоопределении своей системы рассуждений в общей интенции мысли.

¹⁷ Русские неокантианцы тяготели к созданию системы философии, что обусловило широту их интересов. По аналогии с кантовским идеализмом ярко выражена ориентированность на критический подход при решении неоднозначных вопросов, например, рационализации эстетического чувства и процесса художественного творчества. Одним из ключевых инструментов русских неокантианцев становится логика и аналитические средства проверки структуры суждений. Наиболее подробно данная тематика апробирована В.Э. Сеземаном и Б.А. Фохтом. В то же время теория эстетического была представлена в трудах С.И. Гессена и А.В. Вейдемана, а также в историко-культурных рецепциях Ф.А. Степуна. Каждый философ предложил оригинальные теории и концепты, что и стало причиной разнородности всей традиции, и в то же время это дает основания для утверждения о постоянном стремлении к опыту самоопределения. Несмотря на то, что идеи В.Э. Сеземана, как и иных представителей русского неокантианства, не потеряли своей актуальности и в настоящее время, в российской научной литературе его исследованиям не посвящено ни одной отдельной монографии и целостной научной работы. Также труды другого самобытного русского неокантианца, автора единственной монографии о Марбургской школе на русском языке В.А. Савальского вовсе остаются неизвестным, хотя в среде его современников они вызвали активные обсуждения, в том числе и критику. Вытеснение теорий и концептов представителей русского неокантианства на периферию истории философии и культуры ограничило возможность их развития в отечественной науке вплоть до настоящего времени.

¹⁸ В предлагаемом выпуске журнала представлены статьи, раскрывающие оригинальные и, вместе с тем, слабоизученные стороны русского неокантианства. Публикуются исследования в областях эстетики и этики, теории права и теории научного знания, в которых обозначены и попытки разрешения вопроса о рационализации процесса художественного творчества. Магистральная линия формирует задачу смещения дискурса исследований русского неокантианства с историко-философской реконструкции к актуализации их теорий и концептов. Особенность выпуска заключается в составе авторов статей, среди которых

подавляющее большинство являются молодыми исследователями. Это отражает положительную тенденцию в отечественной науке и философии.

¹⁹ В завершении выпуска обозначена актуальная проблематика перехода от неокантианства к посткантианству, оформившемуся в западноевропейской традиции в конце XX века и получившему популярность среди исследователей в настоящее время. Публикация перевода доклада итальянского профессора А. Пома «Прошлое и настоящее критического идеализма» отображает новейшие тенденции развития трансцендентального идеализма. В свою очередь русское неокантианство является неотъемлемой частью перехода от немецкого неокантианства к современной модели, которая не только преодолевает противоречия предшествующих систем, но и постоянно актуализируется в соответствии с целью и задачами научно-ориентированной философии XXI века. Постоянное стремление русских неокантианцев к самоопределению или критической рефлексии основоположений трансцендентального идеализма в научно-теоритической и практической применимости позволили им предвосхитить процесс становления постнеокантианской философии и современной проблематики научного знания.

Примечания:

1. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 253.
 2. Считается первым древнейшим оригинальным русским богословским и религиозно-философским произведением.
 3. То, насколько деятели русской культуры влияли на умы своих современников, отстаивая при этом образ величия России в противовес ущербности Запада, демонстрирует известный эпизод с Пушкинской речью Достоевского. Также характерен в контексте нашего разговора и не менее известный факт враждебного восприятия тем же Ф. Достоевским романа либерала-западника И. Тургенева «Дым».
 4. См.: Киреевский И.В. О возможности и необходимости новых начал для философии (1856).
 5. См., прежде всего: магистерская работа В.С. Соловьева «Кризис западной философии (Против позитивистов)» (1874), его же «Критика отвлеченных начал (1880)» и др.
-

Russian Neo-Kantianism: Experiments (self)definitions and modern perspective

Vladimir N. Belov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

Russian Federation, Moscow

Pavel Vladimirov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

RANEPA

Russian Federation, Moscow

Abstract

One of the most important tasks in each philosophical tradition is to determine the methodological foundations and the target reason for research practice. Russian neo-Kantianism raises several fundamental questions, including the criteria for distinguishing individual systems and the possibility of their integral reconstruction, the identification of the independence of Russian philosophers in overcoming the key contradictions of transcendental idealism, as well as discussions regarding the contribution of Russian neo-Kantians to the history of the development of Russian and European philosophy. No less significant is the problem of uniting Russian neo-Kantianism in the context of the general tradition of neo-Kantianism in its development to the latest trends. The prospect of turning to the heritage of Russian philosophers is largely determined by the design of post-Kantianism and post-Neo-Kantianism. In the works of A.I. Vvedensky, and then B.A. Focht, V.E. Seseman, S.L. Rubinstein, and many others, the transition from German classical idealism in the prism of the specifics of Russian philosophy to the formation of a new understanding of transcendental philosophy and its tasks was marked. In many ways, the proposed solutions were distinguished by originality and obvious independence, but at the same time they were implicitly within the boundaries of the tradition of German neo-Kantian philosophy set by I. Kant. Comparing the latest prospects for the development of neo-Kantian methodology, it can be assumed, not without reason, that Russian neo-Kantianism has largely anticipated the latest trends. Russian neo-Kantians need to reveal the unity of the entire tradition for an objective assessment and subsequent actualization of the heritage of the

Russian Neo-Kantians, accompanying this process with a historical and philosophical reconstruction of individual systems of philosophy, but also identifying those perspectives for philosophy that were designated by Russian thinkers. Russian neo-Kantians' problem field of self-determination within the framework of the history of Russian and European philosophy is proposed in the content of the article. Special attention is focused on the unity of methodological tasks and the target reason for the research practices of thinkers who at different stages of their development contributed to the formation of the phenomenon of Russian neo-Kantianism.

Keywords: neo-Kantianism, Russian neo-Kantianism, Russian philosophy, the experience of self-determination, post-Kantianism

Publication date: 20.12.2021

Citation link:

Belov V., Vladimirov P. Russian Neo-Kantianism: Experiments (self)definitions and modern perspective // Studies in Transcendental Philosophy – 2021. – V. 2. – Issue 3 [Electronic resource]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018214-5-1> (circulation date: 14.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018214-5

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 14.05.2024; URL - <http://ras.jes.su/transcendental/s271326680018214-5-1> Все права защищены.